

Владимир Круглов
*Некоторые вехи моей жизни
и войны*

Воспоминания ветерана

Владимир Васильевич Круглов
Некоторые вехи
моей жизни и войны.
Воспоминания ветерана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11826908
ISBN 9785447422813

Аннотация

Полковник Круглов начинал Великую Отечественную войну рядовым солдатом пограничной заставы на Западной границе, окончил военное училище и академию, служил в дальних гарнизонах и посвятил свою дальнейшую жизнь воспитанию молодых офицеров в пограничном училище. Свои воспоминания посвятил детям и внукам.

Содержание

Моему другу и внуку глебу	5
Детские и юношеские годы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

**Некоторые вехи
моей жизни и войны
Воспоминания ветерана**

**Владимир
Васильевич Круглов**

Фотограф Олег Васильевич Северюхин

© Владимир Васильевич Круглов, 2018

© Олег Васильевич Северюхин, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4474-2281-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моему другу и внуку глебу

*Алма-Ата
1988 год*

Задача, которую я поставил перед собой, одна: рассказать детям и внукам об условиях жизни моего поколения.

Именно дети заставили меня начать повесть о событиях моей жизни, хотя она ничего важного в истории не представляет.

Многое позабыто с годами, и время стерло из памяти имена и названия.

Детские и юношеские годы

Родился я 5 ноября 1920 високосном году в маленькой подмосковной деревушке Устиново, Ново-Петровского, ныне Истринского района. Деревня ничем не примечательна, всего 26 дворов, вытянутых в одну линию, вдоль небольшой речушки Маглуша. Но край наш красивый, как и всё Подмосковье: такие леса, просторы.

Я крестьянский сын, крестьянский внук и правнук, у меня было еще четыре брата и одна сестра. Всего мать родила одиннадцать детей, но выживали тогда только крепкие здоровьем. Я, как и все деревенские дети до снега, да и по снегу, бегал босиком. Мой самый младший брат Коля умер ребенком от того, что, бегая босиком по снегу, заболел от простуды воспалением легких. Лечили его кустарно, врачей не было, да и понятия о больнице мы тоже не имели.

Все мои предки, что ни на есть, имели земную специальность – профессию земледельца. По рассказам родителей и родственников мы в начале 20-х годов относились к зажиточной когорте людей: у нас тогда был большой, крытый железом, дом, держали домработницу, имели домашний скот: двух лошадей, коров, несколько овец, свиней, кур. Но случилась беда, приведшая нас к бедности. В один из жарких июльских дней 1924 года отец уехал с почтой в поселок Спас-Нудоль (12 км от нашей деревни), он тогда, кроме сель-

ского хозяйства, работал на почте, мать находилась в роддоме, рожала очередного ребенка, домработница находилась в поле, жала серпом рожь. Все взрослое население нашего села тоже было занято уборкой урожая.

Дома оставались мой брат Петя – шести лет от роду, я еще не достигший четырех лет и сестра Нина, которой не было двух лет от роду. Воспользовавшись свободой, нам предоставленной, мы пододвинули стол к шкафу, поставили на него табуретку, достали из шкафа спички и стали играть: неумелыми детскими ручонками ставили на коробок вертикально спичку и ударяли по ней щелчком пальцев, спичка загорая летела, а мы любовались, надоело играть дома, вышли во двор, в котором находились, пригнанные на полдень домашние животные. Балуюсь огнем, мы подожгли солому, вспыхнул пожар, запылал наш дом и сгорело 14 домов нашей деревни, стоявшие по наветренной стороне.

Это потрясло отца, и он как слабовольный человек нашел себе утешение в употреблении алкоголя. Построил новый дом, теперь на краю деревни. Вот этот дом мне запомнился, в нем прошло моё детство и моя юность. Как сейчас помню: от дома до самой речки тянулся наш огород – земельный участок, на котором мы сажали картошку и капусту, а позади дома – всякую мелочь: огурцы, морковь, брюкву, лук, свеклу и пр.

Была у нас еще делянка, на которой выращивали рожь, лен. Кроме того, были усадьба площадью, примерно в один

гектар и участок в лесу для покоса. Все это нужно было обрабатывать, и нас с малых лет приучили к труду: боронить землю, дергать руками лён, теревить его, вязать и копнить снопы ржи, ворошить сено и копнить его и т. д. и т. п.

Мне нравилось работать в поле, возиться в земле, выращивать и наблюдать, как созревает урожай, одним словом трудолюбие у меня, что называется, с детства в крови. Мне вспоминается как у нас «молотили рожь»: после сушки её в риге, снопы ржи раскладывали в два ряда колос к колосу и били цепами. Выходили все, и взрослые и дети. Любо-дорого было посмотреть, как работали: проворно, ловко, весело. Или копнить сено, так красиво копны выглядели на скошенном, но еще зеленом поле. Работая, шутили, переговаривались, а иногда и напевали. Зерно просеивали лопатой, сеяли вручную с лукошком на плече. У отца это получалось ловко: он брал горсть зерна, и, бросая его, ударял по стенке лукошка, и зерно равномерно ложилось на землю. Я без дела не сидел. Помогал во всем, даже нянчил своих младших братьев, кормил их – нажую черного хлеба, положу эту жвачку в кусок марли и в рот ребенку, а он наестся и спит, а сам в это время на речку, благо она была рядом с домом (всего 50 метров до неё). Речка, пожалуй, была самым привлекательным для нас местом для развлечений, купались, брызгались и ловили рыбу, в основном красноперок, и сами жарили, не потроша её. Любил я и ночное с лошадьми, ярким костром, печеной картошкой и страшными историями про ле-

ших и ведьм.

Куры у крыльца дома, кошки, собаки. Помню такой казус: на религиозный праздник, на Петров или Ильин день, шел крестный ход, так называлось шествие с иконами, молитвами во главе священника. Во время такого шествия священник и его окружение, заходят в каждый дом, а гостелюбивые хозяева обязательно угощают служителей церкви, преподнося по целому стакану водки, и попу, и дьякону. Наш дом стоял почти на самом краю деревни, и пока до нас дошло церковное шествие, поп был уже изрядно пьян. Во время этого крестного хода мы с братом Петром на попа-батюшку натравили собаку, сколько было шуму, ахов, охов и проклятий в наш адрес, это ж кошунство, натравить собаку на служителя Бога. Больше всего досталось брату, он был двумя годами старше меня и уже учился в школе – в первом или во втором классе. Два дня и две ночи он скрывался в копнах сена, а я носил ему еду. А что было с собакой? Её в тот же день зарезал крестный мой – дядя Гриша. С тех пор мы уже никогда собак не заводили.

Вот, пожалуй, и все развлечения моего детства в родной деревне Устиново. Иногда отец давал мне полкопейки – «грош» – на ириски. Точно не помню, но кажется на «грош» в то время можно было купить несколько штук маковых ирисок, тогда я бежал в с. Ново-Петровское – это районный поселок, в магазин и покупал самое вкусное, что есть на белом свете – маковые ириски. Это лакомство в настоящее время

совсем исчезло с прилавков магазинов, а жаль.

Моя мать – Круглова Александра Яковлевна роста невысокого, неказистая, постоянно была в работе, и почему-то я помню её постоянно болеющей. Всю свою жизнь она прожила в деревне, прожила 93 года, печально то, что умирала она трудно: в 88 лет потеряла зрение – ослепла, это угнетало её и придало трудности моей сестре Нине, у которой жила мать. Долголетие её объясняется, видимо тем, что она всю свою жизнь трудилась, жила в Подмосковье, в деревне, где свежий и чистый воздух. До замужества мать жила в с. Новоселье Псковской губернии, одно время служила господам, наверное, отсюда и душа у матери была довольно практическая.

Отец Круглов Василий Иванович высокий, услужливый, доверчивый, сговорчивый человек, прошел первую мировую и гражданскую войны, был артиллеристом в звании фельдфебеля (по-теперешнему старшина). Не было предела его радости, когда он встречал кого-либо из артиллеристов в наше время, мне не раз приходилось быть свидетелем таких встреч в Ново-Петровске перед Отечественной войной они появлялись часто, и он был весь в воспоминаниях о прошлом.

В период коллективизации сельского хозяйства отец работал, кроме сельского хозяйства, в Ново-Петровской райконторе связи, кем? Не знаю. Он закончил церковно-приходскую школу, и имел всего 3 класса, и был самым грамотным человеком на селе, что внушало к нему уважение одно-

сельчан. В силу своего характера мой отец крестьянин и крестьянский сын был замечательным человеком, очень отзывчивым. Давно его уже нет в живых, а я часто разглядываю его единственную фотографию, сохранившуюся в моем семейном альбоме.

Отец и мать познали бедность и тяжелый крестьянский труд, видимо это является причиной того, что в период коллективизации активным её участником стал мой отец, в надежде на лучшее первым вступил в колхоз, очень жаль, что надежды его не оправдались.

Подробности о родителях, и их корнях я описать не могу, никто мне об этом никогда не рассказывал. Отец ушел из жизни рано – в возрасте 60 лет. Причиной тому вторая мировая война и его непосильный труд в годы Великой Отечественной войны на должности председателя колхоза и нельзя сбрасывать со счетов алкоголь, которым отец увлекался чрезмерно. На фронт отца не взяли, скорее по возрасту, но и в тылу он воевал: когда территория Ново-Петровского района Московской области была немецкой оккупацией – партизанил. После изгнания фашистов воевал тоже, за хлеб, за мясо, за те продукты, которые нужны были для разгрома непрошенного врага.

Коллективизацию помню смутно: переговоры, пересуды, боязнь расстаться с тем, что было нажито годами. Люди в колхоз добровольно идти не хотели, покидали насиженные места и уходили на заработки в близлежащие города области

или в Москву, не понимали этой коллективизации. В деревне оставались только женщины, дети и старики, оставались потому что были привязаны к дому, хозяйству – к земле, в городе их тоже ждала неизвестность. Оставшиеся работали в колхозе ради земельных участков около дома, которые полагались только колхозникам, в колхозе они отработывали поденщину – надо было отработать определенное количество трудодней, а кормились с собственных приусадебных участков, которые обрабатывались с любовью, со всей тщательностью. Эти участки обрабатывали и мужчины, работающие на предприятиях промышленности, навещавшие свои семьи по выходные и праздничным дням. Теперь в моей деревне коренных жителей почти не осталось, все ныне проживающие это переселенцы из Рязанщины.

Родители мои, насколько я помню, жили всё время в ссоре, даже в конце 30-х годов разошлись, мать взяла свою девичью фамилию Кузнецова, но продолжали совместное проживание в одном доме, да и мало кто помнит сейчас об этом эпизоде их жизни. Отец, что ни день еле на ногах стоит, то скандал, то драка. Денег у отца никогда не водилось, и в дом он их тоже не давал. Как принято в ссорах и раздорах защищать женщину и винить мужчину, тем более пьяницу, так и мы были всегда на стороне матери. Уже став взрослыми, видели причину их ссоры в том, что отец пил и ничего не приносил домой. А почему отец пил никого не интересовало, в том числе и нас.

Родители никогда не знали, что такое моды или модные тряпки, не обзаводились мебелью и никуда, и никогда не выезжали, если не считать неудавшейся единственной попытки матери поехать на Псковщину – на свою родину, когда она с Балагоя или Великих Лук вернулась назад, а причину этого почему-то я не усвоил.

Домашняя утварь самая обыкновенная: деревянные миски, деревянные и ложки, граненые стаканы, ухват, чугуны, а больше я ничего не помню. И ели мы тоже из одной, большой – общей чашки (миски). Дом у нас никогда не запирался, мы не были к этому приучены, видимо потому, что бедно жили. Обстановка в доме самая примитивная: стол, скамейка, пара табуреток, одна деревянная кровать на всех. Холодно и пусто блистал своими двумя комнатами наш дом, выходящий фасадом к реке. Перед домом росли стройные, высокие красавицы березы, тоже отжившие теперь свой век. Так жили мои родители, а рядом с ними мы – четыре сына и одна дочь. Росли, учились и трудились. Всё это есть главное достоинство нашей семьи, её главные ценности.

Сейчас с высоты прошлых лет, я вспоминаю жизнь своих братьев и сестры, и думаю, что у нас была не типичная крестьянская семья. Старший брат Петр, окончив семилетку, стал работать в Ново-Петровской районной конторе связи контролером почтовых операций. В 1938 году был призван в ряды РККА, участвовал в Советско-Финской войне в 1939 году, был ранен. По ранению в 1940 году, перед моим

призывом в армию, приезжал на побывку домой. Это была наша с ним последняя и прощальная встреча. С началом Великой Отечественной он попал в плен и там погиб.

Сестра Нина (по мужу Званецкая), окончив семилетнюю школу, ушла работать в районный центр, работала на разных должностях и в различных отраслях деятельности, но крестьянкой не стала.

Брат Виктор 14 лет от роду был отправлен родителями в Москву в ремесленное училище, был предоставлен самому себе (наша деревня была оккупирована немцами). Рано пристрастился к спиртному, и на почве алкоголя ушел из жизни насильственной смертью – посредством петли в самом расцвете сил.

Младший брат Борис рано начал трудиться, а необходимости в этом не было. Учиться не хотел, а возможности для учебы были самые благоприятны. Работая возчиком со взрослыми мужчинами нашей же деревни, и тоже научился пить, будучи почти ребенком. Затем учеба в Московском ФЗУ по окончании которого всю свою сознательную жизнь – до ухода на пенсию работал в метрострое. На почве пьянства страдает недомоганием, оставил семью.

Что нам дали родители? Чему мы у них научились? Что переняли? Наверное, ничего и ничему. Все стали зарабатывать рано, у всех разные дороги, и никто из нас не стал крестьянином.

В моей жизни не было гладкой дороги. В детские годы

и годы юности я познал горести и страдания, голод, болезни, каторжный труд и суровость войны. Моя молодость – это борьба с трудной жизнью простого человека, борьба с невзгодами, бедностью. У меня было трудное и бедное начало жизни: в 9 лет начал трудиться – выполнял всяческую работу на приусадебном участке: ходил за бороной, ворошил сено, сажал и убирал урожай, водил лошадь в ночное и приводил её, носил воду для скотины и пр., в 13 лет уже работал почтальоном деревни Устиново, за что мне платили 7 руб. 50 коп. в месяц. Это был 1933 – голодный, трудный год, люди умирали от голода прямо на улицах. Как сейчас помню, мой отец, опухший с голоду, лежал в постели, есть было абсолютно нечего, единственной пищей в то время была крапива и щавель, сваренные на воде. Мякина вместо хлеба. В это трудное время «Ванька маленький», так тогда звали Ивана Михайловича Бурова, нашего соседа (он был старше меня лет на 7 или 8), дал мне несколько капканов и научил ловить кротов. На пушнину тогда давали растительное масло, селедку, муку, крупу, сахар, махорку, папиросы и другие продукты. Этим теперь и жила наша семья, и отец поднялся, выходило так, что я стал чуть ли не главным кормильцем, и курить научился, как же взрослый человек, курил махорку. Зимой мы ходили на железнодорожную станцию Устиновка, около 3-х км. от дома, расчищать рельсы от снежных заносов, работали в основном мальчишки, такие же как я – по 14—15 лет. Все мы были крепкие, здоровые. Взрослые,

как правило, устанавливали вдоль железнодорожного полотна снегозащитные (снегозадерживающие) щиты. Один год, вернее одну зиму мне пришлось работать на лесозаготовках, заготавливали для предприятий Москвы дрова. Заготавливать дрова меня взял к себе подручным всё тот же Иван Буров, который выматывал мои силенки до предела. Работали с раннего утра и до позднего вечера. Добравшись домой, буквально валился с ног, каждая косточка ныла во мне, а на утро снова в лес – на заготовку дров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.